

Должность начальника Управления отбора чиновников относилась к шестому рангу в Министерстве чинов, и с этого места открывался широкий путь наверх. В прошлой жизни Тао Цзюсы также работал начальником Управления отбора чиновников, одновременно обучая второго принца.

Теперь, пройдя полный круг, он снова оказался в Министерстве чинов.

Получив указ и поблагодарив императора, Тао Цзюсы услышал, как Вэй Уюэ добавил:

— Тебе больше не нужно обучать старшего принца. Он учился у тебя почти пять месяцев, и все, что нужно, он уже знает. Теперь пусть все зависит от его судьбы.

Тао Цзюсы был шокирован и поспешно сказал:

— Ваше Величество, подумайте еще раз! Старший принц только начал разбираться в литературе, и это далеко не время для моего ухода.

Вэй Уюэ даже не поднял глаз:

— Любезный, не говори больше. Мое решение окончательно. Ли Чэнмин, проводи Тао Дажэнь и объясни ему все детали.

Сказав это, Вэй Уюэ, не обращая внимания на возгласы Тао Цзюсы «Ваше Величество, подождите!», тут же покинул зал.

Ли Чэнмин, увидев расстроенное лицо Тао Цзюсы, почувствовал тайную радость, но не мог забыть задание императора. Он протянул руку и сказал:

— Тао Дажэнь, пожалуйста, позвольте мне провести вас.

Тао Цзюсы, не имея выбора, встал и последовал за Ли Чэнмином.

Ли Чэнмин был полноват и двигался медленно, поэтому они долго шли, прежде чем вышли за ворота дворца Чжэндэ. И не только его шаги были медленными, но и речь:

— Тао Дажэнь, знаете ли вы, что старший принц родился под несчастливой звездой?

Тао Цзюсы был ошеломлен, понимая, что император хотел, чтобы Ли Чэнмин рассказал ему об этом.

Ли Чэнмин продолжил:

— Когда старший принц родился, рядом с императором был мудрец, который увидел, что он — перерождение Гу. Говорят, что Гу, существо с лицом человека и телом дракона, был сыном горного духа Чжуншань. К сожалению, он ради кражи лекарства убил небесного бога и сам не избежал кары, будучи казненным Небесным Императором. Эти истории, я думаю, вам известны.

Тао Цзюсы механически кивнул. В прошлой жизни он знал только, что Вэй Фусюэ родился под несчастливой звездой, но не знал, в чем именно это заключалось. Теперь, услышав это от доверенного лица императора, он чувствовал странное смешение эмоций.

Не говоря уже о том, что Вэй Уюэ поверил в эту нелепицу, он даже поручил евнуху рассказать об этом чиновнику. Говорят, что даже тигр не ест своих детенышей, но в императорской семье

царит такая жестокость.

Ли Чэнмин добавил:

— Гу — древнее чудовище, и каждый раз, когда оно появляется, наступает великая засуха. Разве это не великое несчастье? И вскоре после рождения старшего принца Восточная Ци напала на наши границы, вызвав страдания народа. Тао Дажэнь, скажите, разве такой несчастливый принц не должен просто жить тихо?

Тао Цзюсы сжал край одежды, его губы сжались в тонкую линию. Прошло много времени, прежде чем он смог с трудом ответить:

— Старший принц — сын дракона, и его защищают боги. Как могут злые духи воплотиться в нем? Это было бы самоубийством.

— Ты сомневаешься в словах императора? — Ли Чэнмин, видя, что Тао Цзюсы не поддается, начал сомневаться, был ли умный Тао Цзюсы в зале всего лишь его иллюзией.

Тао Цзюсы с бесстрастным лицом сказал:

— Я не смею. Но Конфуций говорил, что не следует говорить о сверхъестественном. Простое слово не может убедить меня.

Ли Чэнмин глубоко вздохнул, стараясь сохранять спокойствие:

— Я здесь только для передачи слов, верить или нет — ваше дело! Вы просто должны знать о старшем принце, ведь разглашение этого может повредить репутации императорской семьи.

Затем он с раздражением развернулся и ушел.

Ли Чэнмин ушел, а Тао Цзюсы все еще стоял на месте.

В его голове неожиданно появились ясные глаза Вэй Фусюэ. В них читались непокорность и сила, но, кажется, никто в царстве Вэй не хотел видеть эти сияющие, как звезды, глаза.

Тао Цзюсы вдруг почувствовал, что сегодня, несмотря на яркое солнце, оно все равно не может осветить тьму, скрывающуюся во дворце Великой Вэй.

Пока он стоял в задумчивости, издали появились два паланкина. В первом сидел Вэй Жуньюй, а во втором — госпожа Мэн.

Тао Цзюсы был удивлен, увидев, как госпожа Мэн едет в паланкине по дворцу. Ведь во дворце не каждый мог позволить себе паланкин. В царстве Вэй обычно только император, принцы и наложницы ранга выше пин могли ездить в паланкинах внутри дворца. Но госпожа Мэн была лишь кормилицей второго принца, и то, что она могла ехать в паланкине днем, показывало, насколько влиятельной была драгоценная супруга Ду в гареме и как сильно она доверяла госпоже Мэн.

Госпожа Мэн, не зная, о чем думает Тао Цзюсы, сидя в паланкине, с улыбкой поздоровалась:

— Это не маленький Тао? Что привело тебя сегодня во дворец?

Тао Цзюсы не хотел ввязываться в разговоры и просто ответил:

— Я уже ухожу.

Но Вэй Жуньюй выпрыгнул из паланкина, схватил Тао Цзюсы и, обернувшись, сказал:

— Кормилица, иди вперед, я попрошу брата Цзюсы пойти со мной навестить пятого брата.

Пятый брат, о котором говорил Вэй Жуньюй, был сыном Чжаои Ван, и ему было всего пять лет. Поскольку его мать, Чжаои Ван, не имела сильной семьи, никто не рассматривал пятого принца как возможного наследника престола.

Мать пятого принца, Чжаои Ван, вызывала у Тао Цзюсы симпатию. Эта женщина, живущая в глубинах дворца, не боролась за власть, оставаясь тихой, как орхидея в пустынной долине. Что еще более ценно, она была доброй и, несмотря на то, что все избегали Вэй Фусюэ, не отворачивалась от него, а, наоборот, жалела его за то, что он остался без матери, и часто заботилась о нем.

Но эта женщина также была несчастной. У нее было два сына, и она была одной из немногих в гареме, кто родил принцев. К сожалению, четвертый принц умер, не дожив до десяти лет, а нынешний пятый принц был слаб здоровьем и едва держался.

Тао Цзюсы вдруг вспомнил что-то и спросил:

— В каком месяце родился пятый принц?

Вэй Жуньюй с удивлением посмотрел на Тао Цзюсы:

— Кажется, в августе. Почему ты спрашиваешь?

Тао Цзюсы вздохнул с облегчением:

— Второе Высочество, давайте поспешим к Чжаои Ван, мы еще успеем.

Вэй Жуньюй, не успев подумать, что за странные слова говорит брат Цзюсы, был увлечен им к Чжаои Ван.

Чжаои Ван учила пятого принца рисовать. По логике, пятилетний ребенок должен быть активным, но пятый принц Вэй Синьтан спокойно сидел за столом, держа кисть и усердно рисуя, тихий и спокойный, как маленький взрослый.

На самом деле, Вэй Синьтан не хотел идти играть, но его тело было слишком слабым, и мать не позволяла ему бегать и прыгать.

Однако Вэй Синьтан также знал, что его здоровье не позволяет, и никогда не требовал выйти на улицу. Весь год, кроме Нового года и дня рождения, он не выходил за ворота, максимум играя с грязью во дворе.

Чжаои Ван, боясь, что сыну будет скучно, нашла ему занятия рисованием и каллиграфией, чтобы скоротать время.

Чжаои Ван, глядя на сына, держащего кисть, тихого и послушного, не могла понять, радоваться ли этому или печалиться.

— Мама, посмотри, как я нарисовал этого большого краба, красиво? — Вэй Синьтан положил кисть и, держась за край одежды матери, спросил детским голосом.

Чжаои Ван погладила сына по голове и похвалила:

— Синьтан, ты нарисовал так похоже!

Вэй Синьтан, глядя на краба, облизнул губы:

— Мама, мы можем сегодня съесть краба?

Чжаои Ван ответила:

— Синьтан, крабы слишком холодные для тебя, сегодня я приготовлю тебе суп из баранины, хорошо?

Вэй Синьтан надул губы, но больше не упоминал о крабах.

Чжаои Ван улыбнулась и уже хотела утешить сына, как слуга сообщил, что прибыл второй принц.

Услышав о приезде второго принца, Чжаои Ван не медлила, поднялась с большим животом и, взяв за руку пятого принца, вышла встретить гостей.

Тао Цзюсы, следуя за Вэй Жунъюем, вошел и увидел, что Чжаои Ван и Вэй Синьтан уже ждут во дворе.

Чжаои Ван выглядела почти так же, как в воспоминаниях Тао Цзюсы, все такая же скромная и мягкая, но с большим животом, что означало, что она снова была беременна.

Тао Цзюсы помнил, что в прошлой жизни после пятого принца Чжаои Ван больше не рожала, но теперь она снова была беременна. Неужели его появление изменило историю?

Вспоминая, многие события этой жизни действительно не происходили в прошлой.

Пока Тао Цзюсы размышлял, худой Вэй Синьтан обнял его за ногу, поднял голову и засмеялся.

Чжаои Ван сказала:

— Синьтан обычно боится незнакомцев, но он так привязался к Тао Дажэню, это, должно быть, судьба.

Тао Цзюсы присел, погладил маленькое лицо Вэй Синьтана и тихо сказал:

— Ваше Высочество, неужели вы меня помните?

Вэй Синьтан с недоумением посмотрел на Тао Цзюсы и глупо улыбнулся:

— Братик красивый, мне нравится.

Вэй Синьтан был очень худым и совсем не выглядел как пятилетний ребенок, но его глаза были большими и круглыми, черными и блестящими, вызывая жалость.

Тао Цзюсы с грустью посмотрел на него, вспоминая судьбу этого ребенка, и серьезно сказал Чжаои Ван:

— Ваше Величество, в день рождения пятого принца ни в коем случае не выходите из дома,

особенно не приближайтесь к пруду.

<http://bllate.org/book/16421/1488090>